

КЛАССИКИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФИЛОЛОГИИ

Ю. С. МАСЛОВ

ИЗБРАННЫЕ
ТРУДЫ

АСПЕКТОЛОГИЯ
ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ББК 81.2Рус
М 31

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 02-04-16013

Маслов Ю. С.

М 31

Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание /
Сост. и ред. А. В. Бондарко, Т. А. Майсак, В. А. Плуноян;
Вступит. ст. А. В. Бондарко, Н. А. Козинцевой, Т. А. Май-
сака, В. А. Плунояна. — М.: Языки славянской культуры,
2004. — 840 с. — (Классики отечественной филологии).
(Вклейка после с. 416)

ISBN 5-94457-187-X

Собрание избранных трудов выдающегося отечественного лингвиста Юрия Сергеевича Маслова (1914—1990) представляет его основные работы по русской и сравнительной аспектологии, истории аспектологических исследований, проблемам морфологии и общим вопросам теории языка. В собрание включена монография «Очерки по аспектологии» (1984), составленная самим автором из работ разных лет, а также статьи 1940—1980-х годов, вошедшие в золотой фонд отечественной лингвистики.

81.2Рус

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavica@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

© Бондарко А. В., Майсак Т. А., Плуноян В. А. Составление, 2004
© А. В. Бондарко, Козинцева Н. А., Майсак Т. А., Плуноян В. А.
Вступительная статья, 2004
© Языки славянской культуры, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Об этой книге и ее авторе 9

Очерки по аспектологии

Предисловие 21

I. Об основных понятиях аспектологии 23

A. Общее семантическое определение вида и аспектуальности.

Вид, время, и таксис 23

B. Отграничение вида от прочих элементов аспектуальности.

Вид, аспектуальные классы и подклассы 27

B. Содержание некоторых видовых оппозиций 34

Г. Семантическое содержание перфекта и его эволюция 53

II. Категория совершенного/несовершенного вида

в славянских языках 71

1. Вид и лексическое значение глагола в современном
русском литературном языке 71

2. Функциональная полнота и морфологическая регулярность
видовой парадигмы 90

3. Система частных видовых значений и типы
противопоставлений совершенного и несовершенного вида 96

A. Антонимия видов и центральные видовые значения 98

B. Случаи синонимии видов и периферийные
видовые значения 105

B. Нейтрализация видового противопоставления 109

4. Видовая основа как носитель значения
совершенного/несовершенного вида 110

5. Специфика видо-временной системы болгарского глагола.....	118
6. Возникновение категории совершенного/несовершенного вида	131
III. Имперфект и аорист в славянских языках.....	141
1. Перфективный имперфект в древнерусском литературном языке.....	141
А. Кратно-перфективное значение	150
Б. Модальные значения	165
В. Мнимые случаи	167
Г. Выводы	171
2. Аорист и имперфект в современном болгарском языке.....	176
А. Совершенный аорист и несовершенный имперфект	177
Б. Несовершенный аорист.....	186
В. Совершенный имперфект	204
Г. Выводы	213
3. Структура повествовательного текста и типология претеритальных систем славянского глагола.....	216
А. Видо-временная структура художественного повествования.....	216
Б. Три типа славянских претеритальных систем и их функционирование в повествовании	225
IV. Некоторые проблемы неславянской и сопоставительной аспектологии.....	249
1. Категория предельности/непредельности глагольного действия в готском языке	249
2. К вопросу о происхождении посессивного перфекта.....	266
3. К утрате простых форм претерита в германских, романских и славянских языках	293
Статьи по аспектологии	
К основаниям сопоставительной аспектологии	305
Система основных понятий и терминов славянской аспектологии	365
Универсальные семантические компоненты в содержании грамматической категории совершенного/несовершенного вида	396
Заметки о видовой дефективности (преимущественно в русском и болгарском языках).....	411

Перфектность.....	426
Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида.....	445
Из истории второго причастия германских языков	477
Глагол	493
Глагол.....	493
Спряжение	497
Вид глагольный	500
Имперфект	503
Перфект.....	505
Претерит	507
Время	508
Время глагольное	508
Прошедшее время	511
Настоящее время.....	513
Будущее время.....	515

Статьи по истории аспектологических исследований

Аспектология	521
У истоков славянской аспектологии	525
Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании	547
Русский глагольный вид в зарубежном языкознании последних лет	571
Русский глагольный вид в зарубежном языкознании последних лет. II	590

Статьи по общему языкознанию

Какие языковые единицы целесообразно считать знаками?	619
Знаковая теория языка	632
Об основных и промежуточных ярусах в структуре языка.....	650
О некоторых расхождениях в понимании термина «морфема».....	666
К семантической типологии морфем.....	681
Синтетосемия и синтетоморфия	693
Некоторые спорные вопросы морфологической структуры славянских глагольных форм.....	706
Проблемы морфологической структуры слова в славянских языках.....	729
Морфологическая конверсия в славянских языках.....	735

О типологии чередований.....	757
Омонимы в словарях и омонимия в языке (к постановке вопроса)	765
Заметки по теории графики	771
Основные направления структурализма	779

Биографические материалы

<i>Ю. С. Маслов.</i> Автобиографическая справка.....	803
<i>Л. А. Вербицкая.</i> Слово о Маслове.....	807
<i>Л. Р. Зиндер.</i> Ю. С. Маслов — общий языковед (несколько слов об ученике)	810
Список научных работ Ю. С. Маслова	815
Библиография материалов о Ю. С. Маслове	835
Указатель первых публикаций.....	837

I. ОБ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЯХ АСПЕКТОЛОГИИ

Аспектология может быть определена как отрасль науки о грамматическом строе и грамматической семантике языка, изучающая категорию глагольного вида (в международной терминологии «аспекта») и, шире, всю «сферу аспектуальности», — обширную область языка, включающую помимо вида различные другие явления, сходные или смежные с видом в содержательном, функционально-семантическом отношении.

А. Общее семантическое определение вида и аспектуальности. Вид, время и таксис

Семантическое определение категории глагольного вида и ее отграничение от других глагольных категорий может быть сформулировано следующим образом: глагольный вид указывает «как протекает во времени или как распределяется по времени» (А. М. Пешковский)¹ обозначенное глаголом «действие» («явление», «событие», «ситуация», «состояние», «положение дел» и т. д.). Таким образом, вид связан с понятием времени, но в отличие от категории глагольного времени он имеет дело не с действительной темпоральной локализацией обозначаемого «действия», а с его внутренней темпоральной структурой как она понимается го-

¹ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956. С. 105.

ворящим². Вид отражает «оценку» говорящим временной структуры самого действия. Не будучи, следовательно, дейктической категорией, вид принадлежит, однако, к категориям субъективно-объективным, «преимущественно интерпретационным»³, устанавливающим тот угол зрения, под которым рассматривается в формах языка объективная внеязыковая действительность.

Семантическое определение вида, восходящее к А. М. Пешковскому, является, собственно, общим определением аспектуального значения и, таким образом, относится не только к виду, но и вообще к аспектуальности (кстати, и сам Пешковский относил свое определение, в частности, и к таким явлениям в русском глаголе, которые теперь рассматриваются не как вид, а как способ действия). Тем не менее для грамматической категории вида как понятия общего языкознания не следует искать более узких семантических формулировок, например, связывать это понятие с идеей так или иначе толкуемого предела действия или с противопоставлением «линейность»: «точечность», «курсивность»: «комплексивность» и т. п. Конкретный перечень аспектуальных значений, воплощаемых в категории вида в разных языках мира, еще не выявлен лингвистическим исследованием. Ясно только, что совершенный и несовершенный вид (СВ и НСВ) русского и других славянских языков — хотя и довольно типичный, но все же лишь частный случай глагольного вида, представленного иногда более или менее сходными, а иногда и довольно несходными грамматическими оппозициями во многих других языках. Категория вида в разных языках характеризуется многообразием не только внешних форм своего выражения, но (что особенно важно) и значительным многообразием внутреннего содержания. Как справедливо писал Б. А. Серебренников, «сложность проблемы определения грамматического вида заключается прежде всего в том, что в отличие от категории времени эта категория имеет несколько оснований, далеко не одинаковых по своей природе и сущности (...) категория глагольного вида опирается на известную сумму характеристик действия, из которых каждая требует специального изучения»⁴.

² Ср. определение вида у Б. Комри: «Виды — это разные способы рассмотрения (или: видения, viewing) внутреннего темпорального строения ситуации (the internal temporal constituency of a situation)» (Comrie B. Aspect. An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge Univ. Press, 1976. P. 3).

³ Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л., 1976. С. 47 сл.

⁴ Серебренников Б. А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960. С. 21. Ср. также замечание

Иными словами — те или иные значения протекания и распределения действия во времени выражаются видовыми категориями многих языков, но в разных языках эти значения конкретизируются в разных направлениях (к чему мы вернемся ниже).

Не следует также настаивать на обязательной бинарности видовой категории. В истории изучения русского и славянского глагольного вида выделение двух, и только двух видов — СВ и НСВ — сыграло большую положительную роль, так как способствовало преодолению нечеткости старых концепций, не отграничивавших грамматическую категорию вида от прочих элементов аспектуальности. Но распространять принцип бинарности на все видовые категории всех языков нет оснований. Многообразие вида проявляется не только в том, что в разных языках зачастую представлены разные виды, но также и в том, что даже в одном языке разные видовые оппозиции нередко перекрещиваются и совмещаются друг с другом, создавая сложные, многочленные системы.

Подчеркнем еще, что в научном описании категории вида эту категорию следует отграничить не только от глагольного времени, но также и от выделенной сравнительно недавно функционально-семантической категории таксиса. В рамках высказывания речь чаще всего идет не об одном отдельном действии (состоянии и т. д.), а о нескольких или многих, как-то между собой связанных (хронологическими, причинно-следственными и другими соотношениями, отношениями контраста и т. п.). Эти связи отражаются в специфических связях между предикатами — связях, составляющих категорию таксиса. Термин «таксис» был впервые предложен Р. О. Якобсоном, согласно определению которого «таксис характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к моменту сообщения»⁵. При этом в первую очередь имеются в виду хронологические соотношения (одновременность — предшествование — следование), но также и логические связи между действиями.

В речи аспектуальные, темпоральные и таксисные значения тесно переплетаются друг с другом, выступая как компоненты комплекс-

А. Мирамбеля: «Категория вида далеко не единообразна, как с точки зрения значимости оппозиций, так и с точки зрения соотношения между оппозиционными рядами» (*Mirambel A. Aspect verbal et système. Essais d'une typologie // Revue des études slaves. 1960. Т. 37. Р. 88*).

⁵ Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 101.

ного семантического целого. Так, в латинском высказывании, приписываемом Юлию Цезарю, «*Veni, vidi, vici*», как и в русском переводе этого высказывания *Я пришел, увидел и победил*, аспектуальными являются семы завершенности, «достижимости предела» каждого из трех названных действий, темпоральными — семы отнесенности всех трех действий к прошлому с точки зрения того момента, когда Цезарь формулировал это свое донесение об успешном военном походе, а таксисной оказывается сема упорядоченности этих действий относительно друг друга, именно их «цепной» хронологической последовательности (с соответствующими логическими импликациями) в том порядке, который соответствует порядку их называния в данном тексте. Аспектуальные семы выражены здесь с помощью категории вида — формами совершенного вида в русском и формами перфекта в широком смысле (т. е. перфекта как противоположности инфекта) в латыни; темпоральные семы — категорией времени, именно формами прошедшего времени в русском и формами перфекта в узком смысле (перфекта в отличие от плюсквамперфекта и от *futurum exactum*) в латыни; наконец, таксисная сема — простым порядком следования глаголов определенной видовой семантики (при другой видовой семантике глагольных форм порядок их следования не передаст хронологической последовательности действий).

Развитую грамматическую категорию таксиса Р. О. Якобсон усматривает в нивхском (гиляцком) языке и (со ссылкой на Б. Уорфа) в языке хопи. В русском «зависимый таксис» выражается деепричастием, указывающим на событие, которое так или иначе сопутствует другому, главному событию (т. е. «независимому таксису»)⁶. Во многих языках таксис объединен в рамках одной категории либо со временем, либо с видом. Сочетание таксиса и времени дает значение сложной (двух-, а иногда и многоступенчатой) временной ориентации, выражаемой в некоторых языках специальными формами, входящими в систему так называемых относительных времен. Вместе с тем таксисные значения одновременности, предшествования и следования во времени регулярно возникают в результате взаимодействия видовых форм, так что в некоторых языках выражение таксисных отношений может рассматриваться как одна из важнейших функций глагольного вида. Тем самым категория вида во многих случаях функционально сближается с категорией относительных времен.

⁶ Там же. С. 106—108.

**Б. Отграничение вида от прочих
элементов аспектуальности.**

Вид, аспектуальные классы и подклассы

Аспектуальность в целом может быть определена, используя формулировку А. В. Бондарко, как «функционально-семантическая категория», содержанием которой «является характер протекания действия, а выражением — морфологические, словообразовательные и лексические средства при участии некоторых синтаксических элементов предложения»⁷. Аспектуальность объединяет по признаку сходства содержания разноуровневые и разноплановые средства языка. Разграничив в предшествующем изложении семантические сферы аспектуальности, времени (темпоральности) и таксиса, мы должны провести теперь новое разграничение: нужно отделить вид как грамматическую категорию от всех прочих элементов аспектуальности, носящих не чисто грамматический или не вполне грамматический характер. Если отграничение вида от времени и от таксиса проводилось с помощью семантического критерия, т. е. в плане содержания, то новое отграничение вида апеллирует (по крайней мере — в первую очередь) к плану выражения. Речь идет прежде всего о различении «открытой» и «скрытой» грамматики, или о различении чисто грамматических явлений и явлений «смешанных», лексико-грамматических, а также о различении грамматических (морфологических — в широком смысле слова) форм и синтаксических сочетаний.

Открыто (или чисто) грамматическим противопоставлением мы назовем такое, которое в той или иной степени эмансипировалось от лексических различий и — по крайней мере в значительной части случаев — выступает при сохранении лексического тождества, т. е. способно проявиться в рамках одного лексического значения, как противопоставление словоформ одной лексемы. Примерами могут служить категории падежа, числа, определенности/неопределенности имени или именной группы, категории времени, наклонения, залога глагола, степеней сравнения прилагательных и наречий и т. п. Скрытограмматическое противопоставление, напротив, носит всегда смешанный, двойственный, лексико-грамматический характер. Грамматическое различие здесь всегда совмещено с лексическим, более того — оно «скрыто», «запрятано» в лексическом значении, как бы подчинено ему. Скрытая грамматика — это, по определению С. Д. Кац-

⁷ Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967. С. 50.

нельсона, «грамматические сигналы, имплицитно содержащиеся в (...) семантике слов»⁸, «категориальные компоненты лексических значений»⁹, позволяющие группировать слова «в разряды или классы, отличающиеся единством грамматического функционирования»¹⁰. Деление имен существительных на считаемые и не считаемые, личные и неличные, прилагательных — на качественные и относительные, глаголов — на валентностные классы и т. д. — таковы наиболее общепризнанные из делений, опирающихся на факты скрытой грамматики.

О виде уместно говорить только применительно к таким языкам, в которых те или иные аспектуальные значения (т. е. значения, относящиеся, согласно данному выше определению, к протеканию и распределению глагольного действия во времени) получают открыто (или чисто) грамматическое выражение, т. е. в значительной части глагольной лексики выступают как противопоставление словоформ одного глагола. Такое внутрилексемное грамматическое противопоставление является морфологическим в широком смысле независимо от того, воплощается оно в синтетических или в аналитических словоформах. В плане выражения оно глубоко отлично как от явлений, относящихся к области скрытой грамматики, так и от равного рода синтаксических сочетаний, еще не превратившихся в аналитические формы.

Те аспектуальные значения, которые получают скрытограмматическое выражение, т. е. выступают в качестве категориальных компонентов лексического значения глаголов, составляют систему аспектуальных классов и подклассов глагольной лексики.

Аспектуальные классы представлены такими группами, как глаголы действия и глаголы не-действия или предельные, непредельные и двойственные по признаку предельности/непредельности глаголы.

В некоторых языках разграничение глаголов действия, или динамических, и глаголов не-действия (состояния и отношения), или статических, выступает очень отчетливо. Так, оно составляет характерную черту иберийско-кавказских языков, по крайней мере — картвельской и абхазо-адыгской групп. К статическим принадлежат здесь глаголы существования, положения тела, эмоциональных состояний

⁸ Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972. С. 78.

⁹ Там же. С. 83.

¹⁰ Там же. С. 87. — Несколько иначе разграничены «открытые» и «скрытые» грамматические категории в концепции Б. Уорфа. См.: Уорф Б. Л. Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. С. 45—51.

и чувственных восприятий, глаголы со значениями типа 'спать', 'бодрствовать', 'молчать'. Исследователи отмечают архаичность структуры статических глаголов, бедность их парадигмы по сравнению с парадигмой динамических глаголов, их близость к именам¹¹. Классы глаголов действия и не-действия выделяются также исследователями китайского и дунганского языков¹². В китайском второй класс представлен глаголами существования, глаголами мысли, чувства и ощущения с такими значениями, как 'знать', 'помнить', 'ощущать боль', 'бояться', некоторыми модальными, связочными со значениями 'называться', 'считаться', 'быть похожим на' и т. п. Глаголы же со значениями типа 'стоять', 'сидеть на корточках', 'жить, обитать', 'спать' составляют особую группу. Все три разновидности глаголов различаются в китайском языке спряжением, или составом парадигмы (т. е. способностью присоединять различные служебные элементы или удваиваться для образования так называемого кратковременного вида), а также сочетаемостью с некоторыми наречиями и т. д. В других языках между глаголами действия и состояния, даже при далеко идущем сходстве форм спряжения, наблюдаются глубокие синтаксические различия¹³.

Аспектуальные классы, выделяемые по признаку предельности/непредельности, подробно описаны под теми или иными названиями в ряде работ на материале многих (больше всего на материале романских и германских) языков. Предельность есть входящее в семантику глагола указание на внутренний, самой природой данного действия предусмотренный предел. Обычно действие в своем протекании направлено к этому пределу и в случае его достижения должно исчерпать себя и прекратиться (ср.: *Он перепиливает бревно*).

¹¹ См.: Чикобава А. С. Грузинский язык // Языки народов СССР. Т. 4. Иберийско-кавказские языки. М., 1967. С. 40, 51; Рогова Г. В., Керашева З. И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар; Майкоп, 1966. С. 101 сл.; Чакадуа Л. П. Системы времен и основных модальных образований в абхазско-абазинских диалектах. Тбилиси, 1970. С. 11—12, 19 сл.

¹² Драгунов А. А. 1) Исследования по грамматике современного китайского языка. I. Части речи. М.; Л., 1952. С. 113—118; 2) Исследования в области дунганской грамматики. I. Категория вида и времени в дунганском языке (диалект Ганьсу) // Труды Ин-та востоковедения, 1940. Т. 27. С. 51—56; Яхонтов С. Е. Категория глагола в китайском языке. Л., 1957. С. 78—83.

¹³ См.: Godel R. Verbes d'état et verbes d'événement // Cahiers Ferdinand de Saussure. 1950. N 9. P. 33—50; Miller J. E. Stative verbs in Russian // Foundations of Language. 1970. Vol. 6. P. 488—504; Ružička J. Činnostné a stavové slovesá // Jazykovedný časopis Slovenskej akadémie vied. 1954. T. 8. N I. S. 5—17,

Иногда, однако, уже само возникновение действия знаменует одновременное достижение предела (например, у «моментальных» глаголов вроде *вспыхнуть*). Непредельность — это отсутствие внутреннего предела, который бы ограничивал течение действия хотя бы в перспективе. В ряде случаев предельные и непредельные значения совмещаются в одном глаголе: глагол, непредельный в абсолютном употреблении, становится предельным в сочетании с дополнениями определенного типа или с обстоятельствами цели (границы) движения.

От предельности/непредельности зависит значение, а в ряде случаев и возможность образования некоторых грамматических форм. В славянских языках предельные глаголы и глагольные значения, как правило, выступают в совершенном и несовершенном виде (*войти/входить, лечь/ложиться, заснуть/засыпать, перепилить/перепиливать, решить/решать задачу, строить/построить дом*), а непредельные — только в НСВ (*лежать, спать, ходить, гулять, сапожничать, любить кого-н. или что-н., дразнить* и т. п.)¹⁴.

Аспектуальные классы частично накладываются друг на друга (часть непредельных глаголов принадлежит к глаголам состояния) и дробятся на более мелкие подразделения — аспектуальные подклассы или так называемые способы действия. Этот последний термин — калька немецкого *Aktionsart*, в течение нескольких десятилетий использовавшегося без дифференциации для обозначения как вида, так и других явлений в сфере аспектуальности, а позже противопоставленного термину «вид» (*Aspekt*) — впервые в 1908 г. у С. Агрелля. Термином «способ действия» Агрелль обозначил (применительно к материалу польского языка) «те... семантические функции приставочных глаголов (а также некоторых бесприставочных глаголов и суффиксальных образований), которые уточняют, как совершается действие, обозначают способ его осуществления»¹⁵. В 20—30-е годы XX в. дальнейшая разработка понятия «способ действия» сыграла существенную роль для четкого осознания строго грамматического характера категории вида (ср. особенно работы

¹⁴ Подробнее о предельности/непредельности, об истории этих понятий и их трактовке в современном языкознании, о соответствующей терминологии (иногда очень разной у разных авторов) см.: *Маслов Ю. С. К основам сопоставительной аспектологии // Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания. Вып. 1. Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978. С. 12—17. (См. также наст. изд., с. 314—320. — Прим. ред.)*

¹⁵ *Агрелль С. [О способах действия польского глагола] // Вопросы глагольного вида. М., 1962. С. 36.*

Э. Кошмидера)¹⁶ В настоящее время способы действия могут быть определены как «некоторые общие (часто, но не обязательно выраженные словообразовательными средствами) особенности лексического значения тех или иных глаголов, относящиеся к протеканию действия этих глаголов во времени и проявляющиеся в общих особенностях их функционирования в языке, а именно по линии словообразовательной активности, вида и синтаксического употребления»¹⁷. Метонимически термин «способы действия» обозначает кроме указанных «особенностей значения глаголов» также и те глагольные разряды, которые формируются на основе сходств и различий в этих «особенностях значения», т. е. именно аспектуальные подклассы.

Способы действия могут выделяться в лингвистическом описании с большей или меньшей степенью детализации, причем их вычленение происходит на основании не какого-то единого принципа деления, а ряда довольно разнообразных черт сходства и различия между глаголами в их лексических значениях, в известных особенностях их употребления, их словообразовательной активности, взаимодействия с видом и т. д. В результате получаемые рубрики и группировки частично перекрывают друг друга, являясь в этом отношении вполне аналогичными таким семантическим разрядам существительных, как личные и неличные, собственные и нарицательные, вещественные, абстрактные, названия парных предметов и т. д.

Приведем в качестве примера некоторые важнейшие способы действия, отмечаемые в русском глаголе¹⁸.

Среди предельных глаголов можно выделить комплетивный способ действия (*дописать/дописывать, догореть/догорать*), финитивный, или цессативный (*отобедать*), сативный, или сатуративный (*наестся/наедаться*), суммарный, или кумулятивный (*налетать* —

¹⁶ Koschmieder E. 1) *Zeitbezug und Sprache*. Leipzig; Berlin, 1929; 2) *Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie*. Wilno, 1934 (русский перевод с некоторыми сокращениями в кн.: *Вопросы глагольного вида*. С. 105—167). С другими работами по теории способов действия в зарубежном языкознании 20—50-х гг. знакомит тот же сборник. С. 7—13 и 39—76.

¹⁷ Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // *Вопросы грамматики болгарского литературного языка*. М., 1959. С. 191.

¹⁸ Об используемых в данном обзоре терминах и вообще о терминологии способов действия см.: *Маслов Ю. С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии* // *Вопросы общего языкознания*. Л., 1965. С. 75—78. (См. также наст. изд., с. 390—394. — *Прим. ред.*)

столько-то километров, *наносить* — дров), дистрибутивный (*пооткрывать, перепробовать*), общерезультативный (*прочитать/прочитывать, вызубрить вызубривать, дать/давать*) и др. К аспектуальному классу предельных глаголов примыкают также начинательный, или ингрессивный, способ действия с его различными оттенками (*побежать, закричать*), и одноактный, или семьelfактивный (*кольнуть, махнуть*).

Среди непредельных глаголов состояния выделяются статальный способ действия (глаголы состояния в узком смысле с возможными дальнейшими подразделениями — *лежать, стоять, грустить* и т. д.) и реляционный (глаголы статического отношения — *зависеть, принадлежать, соответствовать*)¹⁹. Среди непредельных глаголов действия — эволютивный (*учительствовать, работать, играть, ужинать, шить*), инхоативный, или мутативный (глаголы постепенного качественного изменения — *сохнуть, гибнуть, желтеть* 'становиться желтым'), многоактный, или мультипликативный (*колоть, махать, мерцать, трясти*), многократный, или итеративный (*бывать, есть, хаживать*), прерывисто-смягчительный (*покашливать*), сопроводительный, или комитативный (*подпевать, приговаривать*), неопределенно-моторный (так называемые ненаправленные глаголы перемещения — *ходить, носить, бегать*) и некоторые другие.

Глаголы с двойственным, то непредельным, то предельным, значением представлены определенно-моторным способом действия (указывающим на однонаправленное перемещение — *идти, нести, бежать*; ср. с обстоятельством цели движения: *идти на почту/пойти на почту*). Иногда предельное значение (и соответственно возможность выступать в СВ) получают также эволютивные и инхоативные глаголы (ср. *строить/построить* дом, листья *желтели/пожелтели*, или *засохнуть/засыхать, погибнуть/погибать* и др.).

Особое место занимают так называемые детерминативные способы действия (глаголы «охвата длительности») — делимитативный (*полежать, поговорить*) и пердуративный (*проболеть, пролежать* — целую неделю, три дня и т. п.). В семантике всех этих глаголов есть указание на предел, но он является не внутренним, а только внешним: течение действия или существование состояния ограничено здесь как бы «извне», отмеренной «порцией» времени, а внутренний предел либо отсутствует (ср. приведенные глаголы), либо заведомо не достигается (*попахать* в противоположность *вспыхать* и т. п.).

¹⁹ См.: Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. С. 27.

Аспектуальные классы и подклассы не обязательно маркируются морфемными показателями, хотя подобная маркировка встречается довольно часто. Соответственно в формальном отношении мы различаем, например, «последовательно характеризованные», «частично характеризованные» и «нехарактеризованные» способы действия²⁰, морфемно характеризованную и нехарактеризованную предельность и т. д. Но даже в случае последовательно проведенной маркировки какого-либо способа действия или аспектуального класса с помощью специальной морфемы соответствующее аспектуальное значение сохраняет статус категориального компонента лексической семантики глагола.

В заключение — несколько слов о синтаксических сочетаниях с аспектуальным значением. К ним, во-первых, принадлежат сочетания глагола с обстоятельствами, указывающими на характер протекания и распределения во времени глагольного действия (наречиями продолжительности, кратности, мгновенности и т. д.); например: *писал долго, писал до утра, писал часто, ежедневно, писал/написал дважды*. Во-вторых, сюда относятся некоторые сочетания финитных и нефинитных форм (или двух и более финитных форм) в составе одного предиката, если нет симптомов превращения одного из глаголов во вспомогательный (утраты лексического значения, представленного за пределами данного сочетания, и формального обособления). Примерами могут служить сочетания с глаголами «фазовости» (*начал, продолжал, кончил, бросил писать, остался сидеть*), с глаголами, обозначающими 'иметь обыкновение' и т. п. Наконец, аспектуальное значение косвенно и «попутно» выражается в некоторых случаях с помощью актантов (ед. или мн. числа подлежащего или дополнений, их определенности/неопределенности и т. д.).

Глагольный вид как грамматическая категория существует хотя и во многих, но все же не во всех языках. Но аспектуальные значения, так или иначе выраженные, представлены повсюду. В ряде языков, таким образом, есть аспектуальность без вида («аспектуальность без аспекта») или, как ее иногда называют, «акциональность»²¹. Но и в

²⁰ См.: Маслов Ю. С. Система основных понятий... С. 71—72. (См. также наст. изд., с. 386—387. — Прим. ред.)

²¹ Термин «акциональность» (нем. *Aktionalität*) был предложен В. Флемингом, писавшим о немецком языке (см.: *Flämig W. Zur Funktion des Verbs, III. Aktionsart und Aktionalität // Deutsch als Fremdsprache. 1965. Bd. 2. Heft 2. S. 4—12*). Поскольку в немецком языке нет категории вида, термин *Aktionalität* был образован по модели *Modus — Modalität, Tempus — Temporalität* (аналогично русской модели *аспект — аспектуальность, залог — залоговость*

тех языках, где есть вид (и даже в тех, где, как увидим ниже, есть несколько перекрещивающихся видовых оппозиций), конечно, не все аспектуальные значения выражаются только при помощи вида; в выражении этих значений всегда в той или иной мере принимают участие и различные другие помимо вида элементы аспектуальности.

В. Содержание некоторых видовых оппозиций

Любое семантическое противопоставление, получающее статус грамматической оппозиции, неизбежно в той или иной степени формализуется, т. е. отрывается от своих реальных основ, отходит от более непосредственного и, если угодно, более «наивного» отражения действительности в сторону более обобщенного и опосредствованного, более специфического и сложного ее отражения. Развитие полисемии и мультифункциональности грамматических форм ведет ко все большему «разбуханию» их семантического потенциала, ко все большему разрыву между значением, наблюдаемым в контексте (смыслом), и значением, постулируемым для той же формы в системе языка (значимостью). Разрыв между смыслом и значимостью очень усложняет работу по семантическому анализу грамматических категорий. Описания семантики грамматических категорий конкретного языка оказываются во многом несовпадающими у разных лингвистов. Это в полной мере относится и к описаниям семантики вида. Для очень многих языков семантика категории вида вообще еще не описана удовлетворительным образом.

Одна из наиболее изученных видовых оппозиций — оппозиция совершенный : несовершенный вид (в международной терминологии — перфектив : имперфектив) в русском и других славянских языках. Ее реальной основой, или семантической базой, является противопоставление достигнуто : недостигнуто внутреннего предела глагольного действия. Но на уровне категориального значения, с учетом всех основных типов употребления в ре-

и т. д.) от термина Aktionsart 'способ действия'. Можно считать, что «акциональность» — это аспектуальность без вида, аспектуальность в тех языках, которые не имеют категории вида. Все же и в уточненном таким образом значении этот термин не представляется удачным, так как близкое слово «акциональный» уже закреплено в аспектологической литературе за другим значением: ср. *акциональный перфект* (или *пассив*), т. е. «перфект (пассив) действия» — в противоположность *статальному*, т. е. «перфекту (пассиву) состояния» (см. раздел Г данного очерка).

чи, аспектуальная «оценка», выражаемая СВ и НСВ, должна быть сформулирована иначе: СВ, будучи «сильным» членом оппозиции (семантически маркированным и интенсивным, а тем самым и менее многозначным) изображает действие в его неделимой целостности, а НСВ как «слабый» (немаркированный и экстенсивный) член оппозиции оставляет признак целостности/нецелостности невыраженным²². По своему сильному члену противопоставление СВ : НСВ может быть названо оппозицией перфективности.

Важным аргументом в пользу понимания категориального значения СВ как значения неделимой целостности действия и одновременно характерным отражением этого значения в особенностях синтаксической сочетаемости является не знающая исключений несоместимость форм СВ любых глаголов со словами, указывающими на отдельные фазы в протекании действия (его начало, продолжение или окончание). С помощью форм СВ любое событие, безразлично — мгновенное или длительное, представляется так, что мысль не останавливается на его отдельных фазах, или этапах, не выделяет их. Неделимая целостность действия имплицитно и его «непроцессность», характерными отражениями которой в сфере синтаксического употребления является неспособность форм СВ служить ответом на вопрос «что это ты делаешь?» («что он делал в тот момент?» и т. п.), их неспособность сочетаться со словами вроде рус. *всё*, указывающими в конструкциях типа *он все полнел* на продолжающееся течение процесса. Со значением неделимой целостности действия связаны и некоторые добавочные семантические характеристики СВ, в совокупности рассматриваемые как его «семантический потенциал»²³.

²² Уже Л. П. Размусен в своем определении значения СВ и НСВ отмечал и то, что здесь названо «реальной основой» этой оппозиции, и то, что мы квалифицируем как ее «категориальное значение», причем он сочетал эти два момента как моменты (исторической или логической) последовательности. Он писал: «Глагол совершенного вида, мне кажется, означает первоначально действие как достигающее своей цели (своего предела), а затем вообще действие, рассматриваемое как одно целое (начало, середина и конец — совокупно). Глагол несовершенного вида означает первоначально действие как приготовление к достижению цели, а затем вообще действие, рассматриваемое только со стороны вещественных (знаменательных) своих признаков, без обозначения целостности действия» (*Размусен Л. П. О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках*, § I // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. Т. 275. С. 379).

²³ См.: *Бондарко А. В. Вид и время русского глагола*. М., 1971. С. 11—21. Другие попытки описать семантику СВ и НСВ как иерархически упорядо-

Внимательное изучение категории СВ/НСВ в славянских языках обнаруживает большую неоднородность ее смыслового наполнения. В различных типах употребления категориальное значение СВ и НСВ получает ту или иную конкретизацию: общая аспектуальная «оценка» в зависимости от окружающего контекста и ситуации, а в большой мере и от аспектуального класса и способа действия данного глагола (см. ниже раздел II, 1 и II, 3), преобразуется в одно из частных видовых значений. Из ряда этих значений мы здесь кратко назовем только те, на которые нам придется ссылаться в проводимых в данном очерке сопоставлениях видовых категорий различных языков. Это (1) конкретно-процессное, (2) неограниченно-кратное (с теми или иными оттенками) и (3) общефактическое значение НСВ. Так, *Он читал газету* может значить (1) 'читал в тот момент', например, когда я вошел, (2) 'читал регулярно или не раз', 'имел обыкновение читать' и т. п. и (3) при более сильном ударении на глаголе — 'он уже читал (это), такой факт имел место' (безразлично — один раз или несколько раз).

Так как в славянской оппозиции СВ : НСВ заметную (хотя и не ведущую!) роль играет сложение глагола с приставками, нередко и в некоторых неславянских языках усматривают «перфективацию» с помощью глагольных префиксов («превербов») и соответственно говорят применительно к материалу этих языков о «совершенном и несовершенном виде». Представляется, однако, что присоединение преверба само по себе вряд ли способно создать видовое противопоставление славянского типа. Преверб обычно только вносит (или подчеркивает) значение предельности. Даже если в данном языке среди превербов выделяется какой-то один с максимально «побледневшим» значением, он является не средством «чистой перфектива-

ченный набор элементарных признаков представлены в следующих работах: *Haltof B.* Ein semantisches Modell zur Aspekt determinierung im modernen Russischen // Probleme der strukturellen Grammatik und Semantik / Hrsg. von R. Růžička. Leipzig, 1968. S. 139—150; *Theilin N. B.* Towards a theory of aspect, tense and actionality in Slavic. Uppsala, 1978; *Mehlig H. R.* 1) Überlegungen zur Funktion und Determinierung der Aspekte im Russischen // Referate des VI. Konstanzer slavistischen Arbeits-treffens. München, 1979. S. 151—169; 2) Linguistische und didaktische Überlegungen zum Verbalaspekt im Russischen // Zielsprache Russisch, 1980. Heft 1. S. 1—16; *Leinonen M.* Russian aspect, «temporal'naja lokalizacija» and definiteness/indefiniteness. Helsinki, 1982. — Иную трактовку значения СВ и НСВ дает Г. Галтон, вообще считающий НСВ семантически маркированным членом видовой оппозиции (см.: *Galton H.* The main functions of the Slavic verbal aspect. Skopje, 1976).

ции», а наиболее общим маркером предельности глагола. Так по крайней мере обстоит дело в готском (см. ниже раздел IV, 1) и в других древних германских языках, а также, по-видимому, в латыни и в древнегреческом. Предпосылкой возможного возникновения в префиксальных предельных глаголах значения совершенного вида является возникновение противопоставленных им образованию с той же приставкой и с тем же значением предельности, но изображающих данное действие как протекающий и незавершенный процесс. Там, где нет таких образований, нет и условий для формирования совершенного вида: без имперфективации приставочных глаголов нет и перфективации простых глаголов посредством присоединения приставки.

Суффиксальная имперфективация до некоторой степени развилась в литовском языке: суффикс *-inė-* противопоставлен отсутствию суффикса в префиксальных глагольных парах вроде *perrašyti* 'переписать' и 'переписывать' — *perrašinėti* 'переписывать' (в конкретно-процессном или многократном значении), *parduoti* 'продать' и 'продавать' — *pardavinėti* 'продавать' и т. п.²⁴ Хотя суффиксальная имперфективация не получила здесь такого систематического и широкого распространения, как в славянских языках, все же она создает определенный фон, на котором предельные глаголы с наиболее «бледными» приставками (особенно *pa-*), противопоставляясь глаголу без приставки, начинают восприниматься как выражающие по преимуществу совершенное видовое значение. Так, при *rašyti* 'писать', *daryti* 'делать' приставочные *parašyti*, *padaryti* получают значение соответственно 'написать' и 'сделать'. Возникает модель, распространяющаяся и на глагольную лексику иноязычного происхождения: *telefonuoti* 'телефонировать' — *patelefonuoti* 'протелефонировать'. Однако глаголы с «полнозначными» приставками сохраняют свое недифференцированное по виду предельное значение, свободно употребляются с фазовыми глаголами *pradėti* 'начать/начи-

²⁴ См.: Мустейкис К. Сопоставительная морфология русского и литовского языков. Вильнюс, 1972. С. 134 сл. — Л. Дамбрюнас рассматривает как средство имперфективации («деперфективации») также образование сложных глагольных форм (или конструкций), состоящих из вспомогательного глагола *būti* 'быть' и причастия настоящего времени действительного залога с префиксом *be-* (см.: Дамбрюнас Л. Глагольные виды в литовском языке // Вопросы глагольного вида. С. 378 и 380). Есть основания считать, что эти сложные формы обладают более узким значением (чем формы с имперфективирующим суффиксом) и функционально скорее соответствуют английскому прогрессиву, о чем речь будет ниже.

нать', *baigti* 'кончить/кончать' и т. д.²⁵ и вообще в равной степени соответствуют как перфективу, так и имперфективу славянских языков²⁶.

Своеобразные механизмы имперфективации (или «процессуализации») предельных приставочных глаголов сформировались и с теми или иными ограничениями используются и в некоторых других языках. Так, в осетинском между превербом, придающим глаголу значение того или иного предельного способа действия, и корнем этого глагола в ряде случаев вставляется аффикс *-цæй-*, выражающий незавершенность процесса (но не многократность)²⁷. В венгерском языке средством имперфективации служит инверсия компонентов сложного глагола: препозиция префикса дает простое значение предельности (*átírni* 'переписать' и 'переписывать'), а постпозиция, если она не связана с рематизацией одного из актантов или с действием некоторых формальных правил, может подчеркивать незавершенность процесса (*Péter írja át a levelet* 'Петер переписывает письмо')²⁸. На фоне отношений, складывающихся в результате имперфективации, становятся возможными и случаи перфективации с помощью «бледных», или «пустых» приставок вроде венг. *meg-*, *el-* (например, *írni* 'писать' и 'написать' — *megírni* 'написать', *jönni* 'приходить, прийти' — *eljönni* 'прийти'). В предельных приставочных глаголах языка пушту имперфективация осуществляется сдви-

²⁵ См.: Brauner S. Die Position Verbindung von 'beginnen' (bzw. 'aufhören') mit präfigierten Verben im Litauischen // Zeitschrift für Slawistik. 1961. Bd. VI. Heft 2. S. 254—259.

²⁶ Значение перфектива особенно типично для форм основного прошедшего времени (так называемого прошедшего однократного), значение имперфектива — для форм презенса. См.: Дамбрюнас Л. Глагольные виды... С. 366 сл., 372 сл., 380; Buchiene T. Būtojo kartinio laiko vartojimas lietuvių literatūrinėje kalboje // Труды АН Лит. ССР. Сер. А. 1957. № 2. С. 219—228.

²⁷ См.: Цалиева А. А. 1) Некоторые вопросы глагольного вида в осетинском в свете идей аспектологии // Осетинская филология. Вып. 2. Орджоникидзе, 1981. С. 50—59; 2) Аспектуальность в осетинском языке, ее генетические и ареальные связи: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1983. — В формах прошедшего времени глагол со вставкой *-цæй-* может также выражать значение, соответствующее русскому «недействительному наклонению»: *фаццæйхордта* 'съел было', 'чуть было не съел'.

²⁸ О связи между видовым значением и инверсией преверба в венгерском языке см.: Dezső L. Einige typologische Besonderheiten der ungarischen Wortfolge // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1968. T. 18. Fasc. 1—2. P. 138 sq.

гом ударения с приставки на корень глагола²⁹. Все эти явления можно рассматривать как определенный этап становления видовой оппозиции или, во всяком случае, как переходную ступень от лексико-грамматической категории предельности к собственно-грамматической категории совершенного/несовершенного вида.

В формальном отношении далека от славянской оппозиции СВ : НСВ, но по содержанию в известной мере сходна с ней видовая оппозиция имперфект : аорист (И : А). Она представлена (не всегда с этими названиями глагольных форм) во многих языках — романских, некоторых славянских, албанском, армянском, турецком и других тюркских и т. д., но только в прошедшем времени, в древнегреческом языке — также и в косвенных наклонениях, инфинитиве и причастии, а в новогреческом — еще в будущем времени. Семантика имперфекта сходна с семантикой славянского имперфектива, но уже ее, семантика аориста соответственно шире семантики славянского перфектива. В оппозиции И : А в качестве сильного, семантически маркированного члена нередко выступает имперфект, либо же оба члена являются «равноправными» и оппозиция оказывается эквиолентной. Категориальное значение имперфекта — неограниченность протекания или повторения действия или состояния, неограниченная продолжительность, непрерывная либо прерывистая: действие или состояние рассматривается *in medias res*, в середине своего течения или многократного возобновления³⁰. В противоположность этому аористическое прошедшее (фр. *passé simple*, или *défini*, а в разговорном языке и *passé composé*, ит. *passato remoto*, исп. *pretérito simple*, турецкая форма типа *yazdım*, башкирск. *яззым* и т. д.) просто констатирует действие, событие как факт прошлого. В общем приблизительно так же, но только не ограничиваясь рамками прошедшего времени изъявительного наклоне-

²⁹ См.: *Сайдал-Шах П.* Морфология и функционирование видовых форм глагола в современном лашто: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1971.

³⁰ Это значение иногда называют «интратерминальностью»: действие рассматривается *intra terminos*, где-то между начальным и конечным пределом (см.: *Johanson L.* *Aspekt im Türkischen. Vorstudien zu einer Beschreibung des türkeitürkischen Aspektsystems.* Uppsala, 1971. S. 101). Я тоже использовал обозначение «интратерминальность», но сейчас оно не представляется мне удачным: «между пределами» может значить не просто «в середине», а «от и до», «от сих до сих», тогда как в семантике имперфекта пределы вообще как бы исчезают из поля зрения и скорее подчеркивается беспредельность, неограниченность (графический образ — линия, справа и слева переходящая в многоточие: ...—...).

ния противостоят друг другу формы презентно-имперфектного вида (образованные от так называемой презентной основы) и формы аористического вида (производные от основы аориста) в древнегреческом и новогреческом.

В некоторых славянских языках, древних и современных, оппозиция И : А своеобразно перекрещивается с оппозицией перфективности, так, что все четыре теоретически возможные комбинации граммем оказываются реализованными: в древнерусском, старочешском, старохорватском, современном болгарском и македонском языках есть перфективный и имперфективный имперфект, а также перфективный и имперфективный аорист. Семантика этих образований подробно рассматривается ниже на материале современного болгарского (см. раздел III, 2), а семантика перфективного имперфекта и на материале древнерусского языка (см. раздел III, 1). В современном сербохорватском языке комбинация двух видовых оппозиций осуществляется с важным ограничением: здесь рядом с аористом СВ есть (лишь редко употребляемый) аорист НСВ, имперфект же образуется только в несовершенном виде. Наконец, в одном небольшом уголке славянского языкового ареала — в верхне- и нижнелужицком языках — произошло полное поглощение оппозиции И : А оппозицией перфективности, так что аорист образуется только от основ СВ, а имперфект только от основ НСВ.

Учет всех указанных фактов свидетельствует о некоторой близости значений СВ и аориста и соответственно НСВ и имперфекта, но в то же время и об отсутствии их тождества. Можно сказать, что из трех важнейших, указанных выше частных значений НСВ имперфект, как правило, покрывает только два — конкретно-процессное и неограниченно-кратное. Область общефактического значения нормально обслуживается аористом, так же как и некоторые более специальные оттенки, например, ограниченная длительность действия, уточняемая с помощью обстоятельств типа 'целый день', 'два часа' и т. п.³¹

Правда, во французском языке на протяжении последних 100—150 лет возникает и широко распространяется так называемый *imprafait pittoresque* букв. 'живописный имперфект' — специфическое повествовательное употребление имперфекта вместо аориста (в мень-

³¹ Подробнее об этом типе употребления аориста см. ниже, с. 154 и сл., а также: Маслов Ю. С. К основаниям сопоставительной аспектологии. С. 35—36 (см. наст. изд., с. 340—341. — Прим. ред.); Дубровина В. Ф. Об одном типе употребления древнегреческого аориста // Вопросы языкознания. 1959. № 4. С. 86—90.

шей мере оно представлено сейчас и в других романских языках). Но это — стилистически обусловленное употребление, как бы показ отдельного эпизода в повествовании, иногда и последовательного ряда эпизодов «крупным планом» (впрочем, стилистический прием, ставший уже своего рода шаблоном, особенно в языке газеты)³². Такое использование имперфекта стоит вне диапазона его «классических» значений (и, надо сказать, вне сферы, нормально обслуживаемой НСВ)³³ и, может быть, говорит о каких-то подспудно назревающих радикальных сдвигах в видо-временной системе французского языка.

Более подробно остановимся на видовой оппозиции, стоящей по своему содержанию несколько дальше от оппозиции перфективности, чем только что рассмотренная. Речь идет об оппозиции прогрессив : не прогрессив, представленной, например, в английском, испанском, португальском и ряде других языков. Английский прогрессив³⁴ *I am writing* 'Я пишу в данный момент', образующий свои формы во всех временах (*I was writing, I shall be writing* и т. д.), обладает более узким видовым значением, чем имперфект

³² Сравнение *imparfait pittoresque* (или «*imparfait nouvelle manière*») с применением крупного плана в искусстве кино приводит М. Вандрушка. См.: *Wandruszka M. L'aspect verbal, problème de traduction // Travaux de linguistique et de littérature de l'Université de Strasbourg. 1968. Vol. 6. N 1. P. 127—128.*

³³ Как правило, *imparfait pittoresque* передается в русском переводе прошедшим СВ: *Le 16 mars, Hitler entrain à Prague. En Angleterre, le gouvernement instaurait la conscription, en France, Daladier obtenait les pleins pouvoirs (Simon de Beauvoir. La force de l'âge; цит. по: Wandruszka M. L'aspect verbal, problème de traduction. P. 127) '16 марта Гитлер вступил (не: вступал) в Прагу. В Англии правительство ввело (не: вводило) воинскую повинность; во Франции Даладье получил (не: получал) неограниченные полномочия'. (Использовать НСВ можно только в случае перехода в настоящее историческое: *вступает ... вводит ... получает...*)*

³⁴ Термин *Progressive* не является новым. Он встречается уже в XIX в., но особенно широкое применение получает с середины XX в. Приведем другие, как представляется, несколько менее удачные обозначения, используемые в англистике: 1) *Continuous* (встречается у зарубежных авторов, а особенно широко используется в школьном и вузовском преподавании английского языка в СССР, в учебниках и т. д.; иногда переводится как «длительный вид», «длительный разряд» и т. п.); 2) *Expanded Form*, или *Expanded Tenses* (поддерживается авторитетом О. Есперсена и Г. Поутсма); 3) *Periphrastic Form*, т. е. 'описательная форма'; 4) *Definite* — 'определенная'; 5) *Temporag*, букв. 'временная', т. е. указывающая на нечто преходящее, непостоянное.